

JOE HILL

JOE HILL

THE FIREMAN

ДЖО ХИЛЛ

ПОЖАРНЫЙ

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х45

Joe Hill
THE FIREMAN

Copyright © 2016 by Joe Hill. All rights reserved.
Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins
Page 599 constitutes an extension of this copyright page.

Разработка серийного оформления *С. Власова*
Иллюстрация на переплете художника *В. Петелина*

Школа перевода
В. Баканова

Хилл, Джо.
Х45 Пожарный / Джо Хилл ; [пер. с англ. А. А. Андреева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 608 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-699-99460-1

Никто не знает, где и когда это началось. Новая эпидемия распространяется по стране, как лесной пожар. Это «Драконья чешуя» — чрезвычайно заразный грибок вызывает прекрасные черно-золотые пятна на теле, похожие на тату, а потом сжигает носителя во вспышке спонтанного возгорания. Миллионы инфицированы, а вакцины нет. Безопасности нет. Команды добровольцев убивают и сжигают разносчиков спор.

Но есть загадочный Пожарный, его кожа покрыта «чешуей», он контролирует горение своего тела и использует это для защиты других больных. В эти отчаянные времена медсестра Харпер Грейсон должна раскрыть тайны Пожарного, прежде чем обратится в пепел.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-99460-1

© А. Андреев, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Итану Джону Кингу, который пылает ярко.
Папа любит тебя.*

Источники вдохновения:

Дж. К. Роулинг, чьи романы подсказали мне, как писать эту книгу;

П. Л. Трэверс, у которой нашлось нужное мне лекарство;

Джули Эндрюс, которая поднесла ложку сахара, чтобы это лекарство проглотить;

Рэй Брэдбери, у которого я украл заглавие;
мой отец, у которого я украл все остальное,
и моя мать, которая разъяснила мне всю микологию (и мифологию), необходимые для моего романа.

Хотя *Draco incendia trychophyton* — выдумка, мама может подтвердить, что все характеристики вымышленного грибка действительно встречаются в природе.

Outside the street's on fire in a real
death waltz...

— *“Jungleland”*, Bruce Springsteen

Though I spends me time in the ashes
and smoke In this 'ole wide world there's
no 'appier bloke.

— *“Chim Chim Cher-ee”*,
Robert and Richard Sherman¹

Жечь было наслаждением
«451 градус по Фаренгейту».
Рэй Брэдбери

---

¹ По требованию правообладателей здесь и далее стихотворные цитаты приводятся на английском языке.

Как в вальсе, смерть
Кружится огнем.

«Земля джунглей». Брюс Спрингстин

Но нет человека счастливей, чем тот,
Кто сажу отмоет и гарь ототрет.

Песенка Трубочиста (из фильма «Мэри Поппинс», 1964). Роберт и Ричард Шерманы

Пролог

СГОРЕВШИЙ

Харпер Грейсон, как и все, много раз глядела на горящих людей по телевизору, но впервые увидела вспыхнувшего воочию на игровой площадке за школой.

В Бостоне и в других районах Массачусетса школы уже позакрывались, но здесь, в Нью-Гемпшире, еще работали. Инциденты случались, но нечасто. Харпер слышала, что в охраняемом отделении больницы Конкорда — столицы штата — содержались полдюжины пациентов; а присматривали за ними медики в полном защитном снаряжении, и каждая медсестра была вооружена огнетушителем.

Харпер прижимала холодный компресс к щеке первоклассника Реймонда Блая, который получил по лицу бадминтонной ракеткой. Такое случалось пару раз каждую весну, когда тренер Кейлор расчехлял ракетки. И, конечно, он говорил детишкам, что надо перетерпеть, даже если они выплевывали в ладошку собственные зубы. Очень бы хотелось однажды увидеть, как он получит ракеткой по яйцам — просто чтобы сказать ему «потерпи».

Реймонд не плакал, когда пришел, но, взглянув на себя в зеркало, совершенно расклеился; подбородок дрогнул, лицо перекосила горестная гримаса. Глаз пошел черным и лиловым и почти совсем заплыл — Харпер понимала, что отражение в зеркале для мальчика страшнее боли.

Чтобы успокоить его, пришлось вскрыть тайник с конфетами. Этот тайник представлял собой потрепанную коробку для завтраков с нарисованной Мэри Поппинс. Там хранились несколько дю-

жин шоколадных батончиков. Еще в коробке лежали большая редиска и картофелина — на случай крайней необходимости.

Харпер заглянула в коробку, пока Реймонд прижимал компресс к щеке.

— Хм, — сказала она. — Кажется, тут оставался еще один «Твикс», и сейчас он как раз пригодится.

— Это мне? — спросил сдавленным голосом Реймонд.

— Тебе кое-что получше. У меня есть большая вкусная редиска, и если ты будешь *очень* хорошо себя вести, то получишь ее, а я съем «Твикс». — Она показала ему содержимое коробки, чтобы он рассмотрел редиску.

— Э... я не хочу редиску.

— А большую, сладкую, вкусную картофелину? Сорт «Золото Юкона».

— Э... а давайте на руках поборемся за «Твикс». Я даже отца могу побороть.

Харпер просвистела три такта из «Моих любимых вещей», притворяясь, что раздумывает. Она любила насвистывать мелодии из киномузиковлов 1960-х и втайне мечтала петь хором с синими сойками и дерзкими малиновками.

— Не стоит тебе связываться со мной, Реймонд Блай. Я в хорошей форме.

Продолжая изображать задумчивость, она выглянула в окно — и вот тогда-то и заметила мужчину на игровой площадке.

Со своего места она хорошо видела дорожку — несколько сот футов бетона, — кое-где расчерченную для игры в классики. Дальше тянулась отлично оборудованная игровая площадка: качели, горки, скалолазная стена и ряд стальных труб, по которым дети стучали, наигрывая мелодии (сама Харпер называла этот инструмент «Ксилофон проклятых»).

Шел первый урок, и детей на площадке не было; единственные полчаса в день, когда перед окном медкабинета не мельтешит стая кричащих, визжащих, хохочущих, дерущихся детей. Он был один — этот мужчина в мешковатой зеленой армейской куртке и свободных коричневых рабочих штанах; лицо скрывала тень от козырька грязной бейсболки. Выйдя из-за угла здания, мужчина по диагонали пересек асфальтовую дорожку, словно не мог идти прямо. Сначала Харпер приняла его за пьяного. Потом

заметила дым, вырывающийся из рукавов. Чистый белый дымок тянулся от куртки, вился вокруг рук, полз из-под воротника в длинные каштановые волосы.

Человек шагнул с края дорожки на землю. Сделав еще три шага, он уцепился за ступеньку лестницы, ведущей на конструкцию для лазания. Даже издали Харпер разглядела на тыльной стороне его ладони темную полоску вроде татуировки с золотыми пятнышками. Точки блеснули, как пылинки в ослепительных солнечных лучах.

Она читала в газетах отчеты о подобных случаях, но теперь не сразу сообразила, что именно она видит. Конфеты из коробки с Мэри Поппинс посыпались на пол. Харпер не слышала стук, с которым они падали, не понимала, что криво держит коробку, роняя крохотные батончики и «поцелуйчики Херши». Реймонд проводил взглядом картофелину, которая сочно стукнулась об пол и откатилась под шкафчик.

Мужчина, шагавший пьяной походкой, начал заваливаться. Потом судорожно выгнул спину, голова запрокинулась, и пламя лизнуло рубашку на груди. Харпер успела увидеть худое, перекошенное лицо — и голова превратилась в факел. Человек хлопнул по груди левой рукой, а правая все еще держалась за деревянную лестницу. Рука горела, обугливая сосну. Голова запрокидывалась все дальше — рот распахнулся в крике, но из него вырвался дым.

Реймонд, заметив выражение лица Харпер, начал поворачиваться лицом к окну. Харпер, отпустив коробку, потянулась к мальчику. Взяв в одну руку холодный компресс, вторую она положила на затылок Реймонду, с силой отвернув его лицо от окна.

— Не смотри, милый, — сказала она, поразившись собственному спокойствию.

— Что это было? — спросил он.

Харпер отпустила мальчика и потянулась к шнуру, чтобы закрыть жалюзи. Горящий человек на площадке уже стоял на коленях. Он опустил голову, как паломник в Мекке. Пламя охватило его, жирный дым от бесформенной массы поднимался в светлое, прохладное апрельское небо.

С металлическим стуком упали жалюзи, закрыв всю сцену, — только в щели лихорадочно прорывались безумные вспышки золотого света.

Книга первая

БЕРЕМЕННОСТЬ

Апрель

1

Она покинула школу только через час после того, как отправился домой последний ребенок, но все равно непривычно рано. Как правило, в будни ей приходилось дежурить в школе до пяти, потому что около пятидесяти школьников оставались на продленке, пока родители на работе. А сегодня к трем часам ушли все.

Выключив свет в медицинском кабинете, она стояла у окна и глядела на игровую площадку. У конструкции для лазания осталось черное пятно — там пожарные смывали водой из шланга все, что не удалось соскрести. У Харпер возникло предчувствие, что больше она не вернется в свой кабинет и не выглянет из этого окна, и предчувствие оказалось верным. В тот вечер были закрыты школы по всему штату — с уверениями, что они вновь откроются, как только закончится кризис. Вот только кризис не закончился.

Харпер рассчитывала, что дома никого не будет, но обнаружила, что Джейкоб уже там. Телевизор он включил, но убрал звук, и говорил с кем-то по телефону. По его голосу — ровному, спокойному, почти ленивому — нипочем нельзя было догадаться, что он взволнован. Нужно видеть, как он мечется по комнате, чтобы понять, что он на взводе.

— Нет, не своими глазами. Джонни Дипено на спецгрузовике спихивал обломки с дороги — он прислал нам фото с мобильного. Такое впечатление, что внутри бомба взорвалась. Как теракт, как... погоди. Харп пришла. — Муж прижал трубку к груди.

— Кружным путем добиралась? Понятно, что не через центр. Перекрыты все дороги от Северной Церкви до библиотеки. И повсюду полицейские и национальная гвардия. Автобус загорелся после взрыва и врезался в телефонный столб. Он был набит китайцами, зараженными этой хренью, этой чертовой драконьей чешуей. — Он длинно, нервно выдохнул и помотал головой — словно возмущенный наглостью некоторых, позволяющих себе загораться посреди Портсмута в такой прекрасный день, — и отвернулся от жены, снова приложив телефон к уху. — Она в порядке. Даже не слышала ничего. Она дома, и нам предстоит нешуточный скандал, если она вообразила, что я еще раз отпущу ее на работу.

Харпер присела на край дивана и уставилась на экран телевизора. Передавали местные новости. Шли фрагменты вчерашней игры «Селтикс» — как ни в чем не бывало. Айзейя Томас поднялся на цыпочки, отклонился назад и бросил мяч в кольцо почти с середины поля. Никто еще не знал, что к концу следующей недели баскетбольный сезон прервется. К лету половина игроков «Селтикс» будет мертва — от возгорания или от самоубийства.

Джейкоб в веревочных сандалиях расхаживал по комнате.

— Что? Нет. Никто не выжил, — сказал он в трубку. — И хоть это и грубо, но я в каком-то смысле рад. Не будут разносить заразу. — Он послушал, неожиданно расхохотался и ответил: — Кто заказывал горящую тарелку *пуну*, ага?

Вышагивая по комнате, Джейкоб добрался до книжной полки и пошел обратно. Развернувшись, он снова зацепил взглядом Харпер и только тогда заметил выражение ее лица, от которого застыл на месте.

— Эй, миладевичка, да ты в порядке? — спросил он.

Харпер уставилась на него. И что ответить? Вопрос оказался на удивление сложным, ведь сначала надо было разобраться в себе.

— Алло, Дэнни. Мне пора. Я должен посидеть минутку с Харпер. Правильно, что решил забрать детей. — Он помолчал и добавил: — Да, ладно. Я пришлю вам с Клаудией фотки, но запомни — вы их от меня не получали. Люблю вас.

Он нажал на «отбой», положил телефон и посмотрел на жену.

— Что случилось? Почему ты дома?

— За школой был человек... — сказала Харпер и тут что-то, словно клин, застряло в горле.

Джейкоб сел рядом и погладил ее по спине.

— Тише, — сказал он. — Все в порядке.

Спазм в горле прошел, голос вернулся, и Харпер смогла начать заново.

— Он шел по игровой площадке и шатался, как пьяный. Потом упал и загорелся. Вспыхнул как соломенный. На глазах у половины учеников. Игровую площадку видно почти изо всех окон. Потом весь день я успокаивала потрясенных детей.

— Что ж ты сразу не сказала. Надо было оторвать меня от телефона.

Харпер повернулась к мужу и уткнулась лицом ему в грудь; он обнял ее за плечи липкими от пота руками.

— В спортзале скопилось сорок детей, несколько учителей и директор, и некоторые плакали, некоторых трясло, а некоторых тошнило, а мне казалось, что и со мной сейчас начнется и одно, и другое, и третье.

— Но не началось.

— Нет. Я раздавала пакетики с соком. К вашим услугам самое современное лечение!

— Ты сделала что могла, — сказал он. — У тебя была толпа детей, переживших самое страшное происшествие в жизни. Ты ведь понимаешь это? Они никогда не забудут, как ты ухаживала за ними. А ты все сделала правильно, и все закончилось, и ты со мной.

Потихоньку Харпер успокоилась и затихла в его руках, вдыхая знакомый запах — сандаловый одеколон и кофе.

— Когда это случилось? — Он отстранился, пристально глядя на нее светло-кариими глазами.

— Во время первого урока.

— Уже три. Ты обедала?

— Не-а.

— Голова кружится?

— Ага.

— Давай тебя покормим. Не знаю, что у нас в холодильнике. Можно заказать что-нибудь.

«Кто заказывал горящую тарелку *пуну*?» — вспомнилось некстати, и комната качнулась, как палуба корабля. Харпер ухватилась за спинку дивана.

— Водички бы, — сказала она.

— Может, вина?

— Это даже лучше.

Джейкоб поднялся и подошел к винному кулеру на шесть бутылок. Он придирчиво выбирал бутылку — какое вино подают к смертельной инфекции?

— Я думал, эта штука есть только в странах с таким загрязнением, что дышать невозможно, где реки превратились в открытую канализацию. Китай. Россия. Бывшая коммунистическая республика Говностан.

— Рэйчел Мэддоу сообщила, что уже зафиксирована сотня случаев в Детройте. Вчера вечером была передача.

— Вот я и говорю: только в загаженных местах, куда никто не сунется — типа Чернобыля или Детройта. — Хлопнула пробка. — И не понимаю, какого черта заразные лезут в автобус. Или самолет.

— Может, не хотят, чтобы их отправили в карантин. Для многих одна только мысль, что их оторвут от любимых, страшнее болезни. Никто не хочет умирать в одиночестве.

— Ну да, конечно. Зачем умирать в одиночестве, когда можно найти компанию? Лучший способ признаться в любви — заразить ужасной гребаной болезнью родных и близких. — Джейкоб принес бокал золотистого вина — словно чашу чистого солнечного света. — Если бы я заболел, я бы лучше умер, чем заразил тебя. Подверг тебя опасности. Мне кажется, легче умирать, зная, что тем самым спасаешь других. Верх безответственности — разгуливать с такой штукой. — Он вручил бокал Харпер, погладив при этом ее палец. Прикосновение вышло нежным, *понимающим*; это у Джейкоба получалось великолепно — он чувствовал, когда нужно убрать прядь ее волос за ухо или ласково пригладить пушок на затылке. — А эта дрянь легко передается? Как грибок на ногах? То есть если мыть руки и не ходить босиком по спортзалу, то не заразишься? Эй. Эй! Ты не подходила близко к мертвецу?